

Рожденный дважды

СОБЫТИЕ

Просто невероятная история приключилась с героями романа ярославца Герберта Кемоклидзе «Панков». О таких говорят: заново родились. Написанный еще в 1991 году, тогда же в сокращении опубликованный петрозаводским журналом «Север» и вскоре награжденный областной литературной премией имени Л. Н. Трефолева, роман отдельным изданием вышел только под нынешние новогодние праздники.

Обстоятельства столь долгой задержки сам Герберт Васильевич предпочитает подробно не обсуждать, деликатно называя их «независящими от автора». Правда, твердо стоит на том, что «Панков» неожиданно для самого автора оказался писанным «на вырост», и крутые выражи нашей жизни за последнее десятилетие не раз подтверждали предсказанное в романе.

Такой вполне искренней уверенности, не имеющей ничего общего с саморекламой, трефолевскому лауреату хватило на то, чтобы рано или поздно прониклись ею и члены издательского совета областной администрации. Лет через пять после подачи заявки на издание полного авторского текста «Панкова» роман попал-таки в список произведений, заслуживающих финансовой поддержки.

По первым читательским впечатлениям, уроки грустной истории о том, как внук огульно репрессированного врача,

профессора Благовещенского, завлаб-токсиколог Петр Панков в одиночку и часто на грани фола бьется с тотальными криводушием и двуличием, не выглядят просроченным ретро на темы горбачевской перестройки. То уроки жизни на день сегодняшний, но только потому, что писатель напомнил нам своим романом, какой должна быть настоящая литература, когда она – искусство слова и не зависима ни от чего область человековедения.

Приведу без комментариев, просто чтобы понять, как пишет Кемоклидзе, короткую пейзажную реплику на тему, донельзя заигранную: «Небо было в звездах, как в маленьких смотровых глазках, через которые отошедшие с земли души наблюдают, как идут дела на земле».

Или вот психологический этюд Кемоклидзе о страхе. Это чувство Петр Панков считал самым унижительным для человека, способным маскироваться под любые благоприятные обличья, вплоть до отваги. Но страх всегда выдавало, читаем в романе, отсутствие самостоятельности суждения, «как гусиная кожа выдает человека, уверяющего, что ему не холодно».

Все это в общем, частности, главное же в том, что люди в романе – живые, а бы сказал, стереоскопически живые. Прежде всего, конечно, сам Панков. Но и неистощимая на фантазию и лицедейскую сноровку ради своей любви к нему пассия Панкова – Леда. И она, бывшая благоверная его Светка. Вяжет свое нескончаемое пальто, забывает запереть двери в квартире, неспособна врать, «умеет сочувствовать, когда вокруг только успокаивают».

Во плоти и крови и он – сын Петра и Светки Антон. В бедах своих сверстников, отравленных враньем, напрямую обвиняет он поколение отца. Сам того не желая, накликал беду на голову родителя. Компания рокеров скуки ради устроила случайно подвернувшемуся им под руку и привязанному к дереву Пан-

кову-старшему издевательскую проверку на храбрость – жутковатую экзекуцию «гражданской казни».

Светка, Леда, Антон – каждый из них получил в романе именную главу с эффектом трехмерного крупного плана, достигнутым приемом смены рассказчика. Им становится то автор, то сам опальный правдоискатель Панков, то благоразумный его оппонент, однокашник и сосед по дому – университетский теоретик по имени Юрий Воронин.

Панков отказывается подписать регламент сулящего большую экономическую выгоду технологического процесса с недостоверной и опасной экологией. Так вести себя в те времена было не принято. Уже случился Чернобыль, но дерзкая фронда завлаба все равно обернулась для него полным фиаско – усталостью, одиночеством, сдвигом по фазе, «веселым домом».

Совсем скоро после журнальной публикации продолжение романа «Панков» начнет писать сама жизнь – на митингах ярославского Народного фронта в поддержку перестройки, на собраниях первых мемориальцев-гулаговцев, единоклубных в том, что хватит играть с историей в прятки, на акциях «зеленых» против строительства АЭС на волжском водосборе.

Но хеппи-энда у этой истории нет до сих пор. «Помолимся за страну нашу, чтобы она была всегда в чистоте и силе». Если с такими завершающими роман словами сегодня готов охотно согласиться любой, то со своей поправкой к этой случайно услышанной Панковым молитве священника – «сначала в чистоте, затем в силе» – заглавный герой романа и по нынешним временам, согласитесь, человек не от мира сего.

О написанном на перспективу «Панкове», не сомневаюсь, еще скажут свое слово критики. А пока что на новинку ярославского издательства «Юанс» обратили внимание эксперты «Литературки». В предновогоднем выпуске первополосной рубрики «ЛГ-рейтинг» «Панков» назван среди лучших новых книг России. Оказался Герберт Кемоклидзе в компании на зависть достойной. Среди фаворитов «Литературной газеты» и Московского дома книги на начало года – справочник «Нобелевские премии по литературе. Лауреаты 1901 – 2001», «Затеси» Виктора Астафьева, «Путь из вояж в Грецию» Фазиля Искандера, чеховская «Переписка с женой».

Юлиан НАДЕЖДИН.